

И. В. Ащеулова

ОБРАЗ КЕМЕРОВО В ПОВЕСТИ Е. ГРИШКОВЦА «РЕКИ»

Проблематика статьи вписывается в терминологический контекст «городского текста», «кемеровского текста», «провинциального текста».

«Столичные» тексты русской литературы выделены московско-тартуской семиотической школой (В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман). В «петербургском» тексте, формирующемся в произведениях А. Пушкина, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, А. Белого, А. Ахматовой, А. Блока, А. Битова, складывается образ-миф города-призрака, основанного на костях, готового согнуться, раствориться в водной стихии. «Московский» текст, наоборот, фиксирует благочинность, основательность, патриархальность, стабильность, олицетворяет национальную русскую душу (А. Пушкин, А. Грибоедов, Л. Толстой, М. Булгаков, В. Орлов). Но наряду со «столичными» текстами постепенно писались и провинциальные (локальные) тексты: сибирский, пермский, уральский, северный и др. «Провинциальный текст» – термин условный. Тем не менее, принимая во внимание сложившуюся в гуманитарных науках традицию выделения определенного «локуса» текста, понятие «провинциальный текст» в свою очередь имеет как традицию, так и специфику истолкования.

Русская литература XX века наряду с «московским» и «петербургским» столичными текстами русской литературы открыла провинциальные художественные миры русского казачества («Тихий Дон» М. Шолохова), Сибири («Сибирь» Г. Маркова, «На Иртыше» С. Зальгина, «Угрюм-река» В. Шишкова, «Прощание с Матерой» В. Распутина, «Царь-рыба» В. Астафьева), Урала («Приваловские миллионы» Д. Мамина-Сибиряка, «Золото бунта», «Сердце Пармы» А. Иванова), русского Севера (В. Белов, Б. Можаяев, Н. Рубцов), тем самым расширив географические и духовные координаты провинциального.

Особую семантику в «провинциальном тексте» занимает понятие «места». Устойчивые представления о географическом объекте, локальности, элементе ландшафта, существующие в общественном сознании и/или зафиксированные в художественных произведениях, обозначаются как образ места и становятся, в свою очередь, неотъемлемой частью культурного ландшафта. Образ места, смысл места включает в себя визуальные и эстетические характеристики места, его эмоциональное воздействие, его символику. Образ места необычайно значим как явление, так как неповторимый узор смыслов, имеющих свои координаты в географическом пространстве, создает в конечном итоге структуру культурного ландшафта страны. В результате пространство провинции, представляющее собой антитезу и смысловой фон для столичных городов, при внимательном рассмотрении оказывается уникальным в каждой своей единице и не требующим противопоставления столице для его культурной идентификации [3].

Формирование подобного локального (краевого, городского или даже урочищного) текста закономерное следствие и продукт исторической и культурной деятель-

ности. Человек не только физически изменяет ландшафт и не только утилитарно с ним взаимодействует. Стоит вспомнить, что в одном из своих значений слово «место» в русском языке – это не что иное, как плацента. Такая языковая интерпретация локуса и отношений с ним в терминах материнской связи не случайна. Давая имена урочищам, поселениям или улицам города, ставя памятники, сохраняя легенды и предания, человек символически организует бывшее до него безличным пространство, претворяя его в «место» своей жизни. Потребность жить не в случайном и хаотическом, а осмысленном и символически организованном пространстве, можно признать одним из древнейших побуждений человека [1, с. 22].

Кемерово как локальное место, центр стратегически важного в России региона, также можно воспринимать как символически организованное пространство. «Кемеровский текст» русской литературы уже получил научное осмысление в отечественном литературоведении [5]. «Кемеровский текст» на сегодняшний день может быть представлен следующими произведениями: А. Волошин «Земля Кузнецкая» (1949), З. Чигарева «Не спугни птицу», Ю. Лавряшина «Темное эхо» (2008), «Серебряный ключ» (Огни Кузбасса. 2015. № 1, 3), Е. Гришковец «Реки» (2009), «А.....а» (2010), С. Солоух «Картинки с выставки» (1999), «Клуб одиноких сердец унтера Пришибеева», Б. Ахмадулина «Кемерово» (1964), С. Павлов «Кузбасская сага» (2000-2009). Л. Чидилян «Лида в поисках любви» (Огни Кузбасса. 2015. № 6. 2016. № 1). Пользуясь терминологией В. Абашева, особыми локусами в текстах о Кемерово становятся река Томь, Правый/Левый берега, мосты, Красная горка, проспект Советский, фонтан у театра.

Рассмотрим, как формируется художественный образ города Кемерово в повести Е. Гришковца «Реки» (2005).

Общеизвестный факт, что Е. Гришковец родился, учился и сформировался как талантливый актер, организатор театра «Ложа» именно в пределах Кемерово. В апреле 2018 года он награжден почетным орденом Кузбасса, город гордится своим сыном. Прозу и драматургию Гришковца критика определяет как «неоисповедальную» [4], так как они насыщены индивидуальными авторскими переживаниями. Безусловно, Гришковец обращается к пережитому в Кемерово в своих произведениях, в некоторых пьесах и повестях Гришковец описывает так называемый «родной город», но не называет его, однако кемеровчане в этих описаниях узнают именно город Кемерово. Поэтому можно утверждать, что Гришковец пользуется для создания художественного образа города узнаваемыми локусами. Выделим и исследуем их на примере повести «Реки».

Во-первых, выделим первый уровень освоения пространства города, который создается путем детских впечатлений от прогулок по городскому пространству. Эти детские впечатления воспроизводятся как воспоминания уже взрослого, сформировавшимся сознанием автора. В детстве пространство города представляется полярным, можно выделить наличие нескольких оппозиционных локусов: центр города – новые, отдаленные районы; левый берег – правый берег; район Кирова – родной район. Соответственно, локальные места центра (фонтан, кафе, городской сад с аттракционами, набережная реки) и периферии (знакомый двор, подъезд) получают семантику праздника и будней. Поездка в центр города – это

всегда праздничная одежда, праздничное настроение, возможность развлечений. «Поездка в центр – это веселые и нарядные родители, покупка мне... чего-нибудь... Возможно, кафе-мороженое <...> Еще в центре был горсад с каруселями, сладкой ватой и возможностью «взять напрокат» маленький, стальной, весь избитый педальный автомобильчик, на котором я катался по аллеям, смеялся от радости и, мне казалось, фантастично технично рулил» [2, с. 24]. При этом пространство родного города предстает огромным («мы долго ехали, ехали, ехали»), а центральным его локусом становится фонтан, очень редко работающий, но все равно вожделенный. «Наш фонтан украшает театральную площадь. Он просто круглый, гранитный, в виде чаши. Ничего особенного! Но фонтан-то находится в центре города, а я никогда не жил в центре моего города. Так что поездки в центр были связаны всегда с ожиданием наслаждений» [2, с. 23]. Детское сознание проводит прямую связь между фонтаном как центральным локальным образом города и возможностью развлечений и наслаждений.

Еще одним таким локусом становится музей, единственный в городе, и тоже находящийся в центре города. «А у нас в городе музей был только один: краеведческий. Он был маленький и не обязательный. Перед входом в музей стоят две старинные пушки. С какой стати возле нашего музея поставили пушки, непонятно. Наш город совсем молодой. Те пушки сделали точно лет за сто до того, как появился наш город. Но они стоят перед музеем, периодически заполняются мусором, потом их чистят, и так много лет» [2, с. 26]. Музей предстает как скопление древних экспонатов, которых уже нет в реальности, что вызывает удивление и недоверие.

Таким образом, детское сознание создает собственный образ родного города, который мифологизируется с позиций развлечения/наслаждения и будничного существования. В детстве родной город как пространство постоянного пребывания обрастает множеством мифом, легенд, небылиц об утопленниках, красной фотопленке, заброшенных стройках, хулиганах с чужих дворов и из чужих соседних районов. Но все эти «страшилки» и небылицы имеют статус «своего», «родного», поэтому в детстве нет иного, другого города, кроме данного и не возникает мыслей об отъезде, смене места жительства. «Меня удивляли разговоры родителей о том, что хорошо бы переехать в тот или иной город. Я не понимал, как это может быть. Жизнь была устроена так, что у меня не было никаких сомнений. Вообще никаких сомнений не было» [2, с. 35].

Но человек вырастает и появляется иное отношение к родному городу. Он становится тесен, мал, неудобен. Так в структуре повести проявляется второй уровень восприятия города. Это сознание автора, уже повзрослевшего и побывавшего в иных местах, выбравшего иной город для жизни. Авторское сознание использует детские впечатления для выстраивания собственной индивидуальной мифологии о родном городе. Но, отметим, на этом уровне также проявляется полнота, полнота городского пространства, но оппозиции вписываются в более широкий контекст. Это оппозиции сибирского холодного пространства города и Юга (холод, Сибирь – юг); Сибирь – Европа; сибирские бескрайние пространства – ограниченность европейского пространства; маленький сибирский город – большие европейские города. Приведем несколько примеров. «В любом городе,

который стоит на реке, есть правый и левый берег. Я родился и вырос... не на том берегу, на котором родился и вырос мой дед. Старая часть города была всегда от меня отделена рекой, туда, где все происходило с моим дедом когда-то... давно, туда вел мост. Мост высокий и длинный, мост над темной широкой и быстрой рекой. В моем городе темная и быстрая река. Большая сибирская река» [2, с. 9-10]. Оппозицию двух берегов города как старого и нового, как жизни деда и собственной жизни выстраивает взрослое сознание автора. Быстрая, большая темная река всегда будет противостоять небольшим прозрачным европейским речушкам. В сибирской быстрой реке опасно купаться, водовороты и течение угрожают пловцу, каждый год дети и подростки тонут и гибнут. Поэтому постепенно возникает ощущение несправедливости по отношению к себе, кому-то судьба уготовила другой город, более теплый, более чистый, радостный, а ты вынужден жить здесь. И даже возможные перспективы развития города не являются причиной остаться в родном городе навсегда: «Мой город – не старый город. Он и не может быть старым. Он же сибирский город. К тому же мой город моложе других сибирских городов» [2, с.8]. Поэтому взрослое авторское сознание сознательно отвергает отрицательную семантику города (холод, Сибирь, теснота, малость, провинциальность) и выбирает иные возможности других городов. «А когда я вернулся в свой город, где шли бесконечные холодные дожди, на деревьях уже не было листьев, все машины были одного грязного цвета... я подумал тогда, что все это заговор, причем заговор лично против меня» [2, с. 44-45]. Можно утверждать, что для авторского индивидуального сознания внешние, так сказать материальные характеристики родного города становятся важнейшими категориями-причинами, из-за которых герой уедет из родного пространства навсегда. Исходя из этого, сделаем вывод, что именно духовные, ментальные характеристики становятся более значимыми для героя. Это город жизни и судьбы любимого деда, где два берега, мост, улицы, река одухотворяются рассказами деда о его молодости и работе. Родной город останется в личностном сознании героя-автора как пространство памяти о деде, а личная память о роде, о детстве формирует понятие индивидуально значимой родины. Город не обязательно точно называть, чтобы узнать, достаточно определить локально значимые образы, чтобы зафиксировать в тексте, слове дух города, оставить его живым навечно, потому что такого нет больше нигде. «Таких рек, как наша, нет нигде. Сибирские реки! Быстрые, темные и длинные, с крутыми поворотами, островами, стремнинами. Таких больше нигде нет» [2, с. 189].

Итак, обратившись к наиболее значимым локальным образам фонтана, реки, улиц и районов в повести Е. Гришковца «Реки», мы можем сделать вывод о формировании в художественном мире писателя авторского образа родного города Кемерово, формирующегося как пространство, прежде всего, памяти о детстве и близких людях, именно личная память создает ощущение неизменности существования города.

Список литературы

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. [Текст] / В.В. Абашев. – Пермь: изд-во Пермского университета, 2000. – 404 с.

2. Гришковец Е. Реки. [Текст] / Повесть. М.: Изд-во «Махаон», 2005.
3. Лавренова О. А. Образ места и его значение в культуре провинции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nnre.ru/kulturologija/geopanorama_russkoi_kultury_provincija_i_ee_lokalnye_teksty/p3.php
4. Липовецкий М.Н. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2008.
5. Подковырин Ю.В. «Кемеровский текст» русской литературы: аспекты изучения. [Текст] / Доклад, прочитанный на региональной научно-практической конференции «Литература Кузбасса и ее роль в гуманитарном воспитании и образовании детей и молодежи» (29 марта 2012 года).